

Войска у Государственной думы. 1917

100 лет назад началась Великая российская революция, у истоков которой стояли наши земляки – Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918), Александр Фёдорович Керенский (1881–1970) и Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870–1924). Деятельность этих людей и те политические линии, которым они следовали, интересны и актуальны по сей день.

Симбиряне в центре революционных вихрей

А.Д. Протопопов – депутат III и IV Государственных дум, министр внутренних дел. 1916

Протопопов родился в семье нижегородского помещика, окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в лейб-гвардии конно-гренадёрском полку. После получения наследства от своего дяди генерал-лейтенанта Н.Д. Селивёрстова, которое состояло из 5 931 десятины земли и леса и суконной фабрики при селе Румянцево Карсунского уезда Симбирской губернии, штабс-ротмистр Протопопов оставил военную службу. В 1894 году Александр Дмитриевич, его жена Ольга Павловна, дочери Наталия и Агния были причислены к обществу дворян Симбирской губернии. Драп, сукно, бобрик, одеяла фабрики Протопопова неоднократно получали «награды на заграничных и российских выставках». В 1902 году Протопопов был избран почётным мировым судьёй, в 1905-м – предводителем дворянства

Карсунского уезда, и на эти должности переизбирался вплоть до революции. В 1907-м Александр Дмитриевич был избран членом III Государственной думы от Симбирской губернии, получил известность как один из лучших думских ораторов. В 1910 году ему присвоили звание почётного гражданина города Карсуна, через два года вновь избрали членом Думы уже четвёртого созыва.

Керенский родился в Симбирске в семье директора мужской классической и Мариинской женской гимназий. Он окончил с золотой медалью гимназию в Ташкенте, куда был переведён главным инспектором училищ его отец, и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Женится на Ольге Львовне Барановской, в семье подрастали двое сыновей. Участие присяжного поверенного Керенского в политических процессах принесло ему определённую известность, летом 1912 года его включили в комиссию по расследованию обстоятельств расстрела на Ленских приисках мирной демонстрации рабочих. Не без участия Александра Фёдоровича события получили большой общественный резонанс, он был избран в члены IV Думы от Саратовской губернии.

19 июля 1914 года Германия объявила России войну, названную тогда Великой, а ныне известную как Первая мировая. В столице была созвана однодневная чрезвычайная сессия Государственной думы. Представители всех фракций, за исключением социал-демократов, призвали сплотиться вокруг правительства для победоносного ведения войны.

«Друзья мои послали меня сюда на эту кафедру в этот исторический момент для того, – заявил Протопопов от фракции октябристов, – чтобы <...> выразить твёрдое убеждение, нашу непоколебимую веру, что пред лицом грозного врага сплочённые нашими деяниями мы все будем вместе, мы все готовы пожертвовать достоянием своим, жизнью близких нам людей, своею жизнью и безмерно и беспредельно бороться, отбивая попытки врага, старающегося сломить устои и поколебать свободу великой родины нашей».

Керенский от имени трудящихся выразил уверенность, что «внутренняя изначальная сила русской демократии вкупе с другими движущими силами русского народа дадут отпор агрессорам и защитят отечество и культурное наследие, созданное потом и кровью предшествующих поколений».

В июле регулярные вооружённые

силы Российской империи составляли 1 400 000 человек, а мобилизация добавила 3 100 000 резервистов. Проходила мобилизация быстро и организованно, дезертиров практически не было, забастовки прекратились. В патриотическом порыве Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Если поначалу военные действия велись с переменным успехом, то летом 1915 года под напором прекрасно вооружённой германской армии русские войска оставили Перемышль, Львов, Варшаву. В июне был смещён военный министр генерал В.А. Сухомлинов, не сумевший объяснить отчаянную нехватку пушек и снарядов. В августе Николай II сместил с поста Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и назначил себя на эту должность. Все попытки министров отговорить его от рискованного шага, ведущего к концентрации всей ответственности за военные поражения и политические беспорядки на персоне императора, не помогли.

К тому времени довоенное благополучие страны улетучилось. Три думские фракции – октябристы, прогрессисты и кадеты – объединились для парламентской борьбы с правительством в так называемый Прогрессивный блок, куда вошёл и Протопопов. После смерти губернского предводителя дворянства В.Н. Поливанова симбирские дворяне избрали Александра Дмитриевича на этот пост. Департаментом полиции МВД за Керенским было установлено негласное наблюдение, отмечалась его антиправительственная деятельность и связи с лицами, «известными своей неблагонадёжностью». В конце 1915 года Александр Фёдорович тяжело заболел и более полугодом провёл в санатории в Финляндии, где ему сделали операцию на поражённую туберкулёзом почку.

Весной 1916-го делегация из России, где 11 человек представляли Думу и 6 – Государственный совет, во главе с товарищем председателя Думы Протопоповым отправилась через нейтральные страны к союзникам по Антанте. Пожалуй, наибольшее значение имел их визит в Англию, где думцы были приняты сначала в палате общин британского парламента, а затем королём Георгом V. Разговор на всех встречах касался мировой войны и укрепления союзнических отношений. Во Франции и Италии, помимо официальных встреч, депутатов вывозили на фронт для ознакомления с ходом войны.

На обратном пути Александр Дми-

Искаленная и брошенная русская тяжёлая артиллерия. 1915

Отступающие русские войска. 1915

Беженцы у перевязочно-питательного поезда. 1915

Головной отряд Красного Креста В.М. Пуришкевича. 1915

Разгрузка санитарного поезда у распределительного госпиталя. 1916

А.С. Ключарёв, симбирский губернатор (1911–1916)

триевич встретился с сотрудником германского посольства в Швеции Ф. Варбургом, чтобы выяснить, на каких условиях Германия могла бы пойти на заключение мира с державами Антанты. Делегация вернулась домой 19 июля, он был приглашён Николаем II в Ставку, чтобы рассказать о впечатлениях заграничной поездки.

Огромные потери на фронте лишили кормильцев тысячи семей в российских городах и селениях. В империи накапливалось всё больше «взрывоопасных» элементов – раненых фронтовиков, озлобленных войной, и беженцев, сорванных с родных мест. Растущая дороговизна и отсутствие продуктов первой необходимости привели к «голодным бунтам» в Поволжье, беспорядки коснулись и Симбирска. 4 июля толпа до 10 000 человек, своевольно разыскавшая «припрятанный» якобы торговцами сахар, перешла к грабежу лавок, чем и вызвала необходимость усмирения бунтарей силой военных, с применением огнестрельного оружия, с убитыми и ранеными. Представители местной власти не могли ручаться, что и впредь не придётся стрелять в толпу, возбуждённую отсутствием сахара, муки, соли, керосина или дров.

В посланном в МВД обзоре общественно-политической жизни на местах губернатор А.С. Ключарёв среди «главнейших» причин недовольства широких кругов населения называл: «падение ценности денег, недостаток рабочих рук, расстройство железнодорожных сообщений, алчность крупнейших производителей и торговцев, сокращение фабрично-заводской деятельности, возросшее потребление мяса, дров, сахара, фуража против норм потребления таковых до войны, а главное – злостная спекуляция всяких синдикатов и банков». Александр Степанович также отмечал, что «практикующиеся ныне способы «борьбы» с этими угрожающими даже благополучному окончанию войны неурядицами путём привлечения к данному делу, с позволения сказать, «общественных» организаций, земцев, с их многотысячными добавочными от казны окладами, с их казёнными автомобилями, с их громкими званиями «уполномоченных» и «особоуполномоченных», достаточно доказали уже свою несостоятельность, отнюдь не накормив население, а лишь создавая чрезвычайно опасное раздражение в народе, уже вполне оценившем по достоинству все эти «земгоры» и «северопомощи», да наращивая к государственной росписи послевоенных годов

миллиардные долги на спину всё того же благодетельствуемого ими рядового плательщика, уже теперь с грустным недоумением поглядывающего на эти бесконтрольные громадные траты его же достояния».

18 сентября 1916 года Протопопов был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Благодаря его заботам, Ключарёв вскоре занял должность товарища министра по делам о беженцах. Сам факт появления человека из Думы в составе Совета министров поначалу породил большие надежды. По-видимому, Николай II давал этим понять, что готов на осуществление некоторых реформ. В Петрограде ходили слухи, что Протопопов метил на Министерство торговли и промышленности, более ему подходящее, но оказался в МВД. Вряд ли стоило говорить о полноценной программе Александра Дмитриевича, но он пришёл с намерением решить продовольственный вопрос, отменить ограничения для евреев и сдвинуть с места ряд реформ, давно готовившихся в Министерстве внутренних дел.

Симбирская городская дума направила в столицу поздравительную телеграмму за подписью городского головы Л.И. Афанасьева с пожеланием «Александру Дмитриевичу <...> успешной и плодотворной деятельности на новом высоком посту, доверием Государя Императора Вам вверенном». С ответом Протопопов не задержался: «Прошу Вас принять, а также передать городской думе мою глубокую благодарность за поздравление и выраженное благопожелание. Шлю родному мне городу Симбирску сердечный привет».

В сентябре Керенский, окрепнув после операции, отправился в Туркестан, там проводил расследование в связи с беспорядками среди местного населения, недовольного призывом 200 000 жителей для рытья окопов на фронте и работы на заводах в тылу. На обратном пути он остановился в Саратове, где встречался со многими политическими и общественными деятелями. Там назначение Протопопова в Министерство внутренних дел было истолковано как намерение императора найти общий язык с Думой.

«По возвращении в Петроград я обнаружил на своём столе телеграмму из Саратова, в которой сообщалось об аресте после моего отъезда многих общественных деятелей, встречавшихся со мной, – писал позднее Керенский. – Поскольку мы оба – Протопопов и я – были уроженцами Симбирска и поддержи-

вали хорошие отношения, я позвонил ему и попросил о немедленной встрече. «Можете приходить хоть сейчас. Мои двери для вас всегда открыты», – ответил он. На пороге своего просторного кабинета меня сердечно приветствовал новый министр в мундире шефа жандармов. В этой своей форме он выглядел в высшей степени импозантно, но я, сколько ни старался, никак не мог понять, зачем ему понадобилось надеть её. Едва я вошёл, он принялся рассуждать об огромной ответственности, возложенной на его плечи, о своих замыслах и планах на будущее. При первой же представившейся возможности я вручил ему телеграмму и стал излагать детали моего визита в Саратов. Он прервал меня и, покрутив пуговицу у меня на сюртуке, воскликнул: «Сейчас мы всё уладим!» Тут же возле него появился молодой помощник. Передавая ему мою телеграмму, Протопопов сказал: «Немедленно телеграфируйте об освобождении лиц, упомянутых в этой телеграмме».

В Думе становление Протопопова во главе Министерства внутренних дел рассматривалось как подлая измена. Председатель Думы М.В. Родзянко, с которым не сочли нужным советоваться при назначении, был рассержен больше всех. Александр Дмитриевич в ответ на его упреки оправдывался: «Я надеюсь, что мне удастся что-нибудь изменить в положении вещей». Но Родзянко заметил: «У Вас не хватит сил бороться, и Вы не отважитесь прямо говорить государю».

По представлению Протопопова 23 октября был принят закон об усилении полиции в 50 губерниях Российской империи и об улучшении положения полицейских чинов. Александр Дмитриевич выступал за реализацию программы реформ, выдвинутой Прогрессивным блоком, и считал необходимым предоставить Польше после войны полную независимость. Он продолжил курс на отмену ограничений для лиц иудейского вероисповедания. По инициативе Протопопова евреям было разрешено жить без регистрации в Москве и городах, не находящихся на территории военных действий, и беспрепятственно получать промысловые и торговые свидетельства. Он полагал, что Дума не должна влиять на назначения министров в военное время, но предлагал установить их судебную ответственность перед Думой.

Начало думской сессии 1 ноября 1916 года ознаменовалось скандалом. Лидер Прогрессивного блока Миллю-

ков коснулся «зловещих слухов» о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование. Благодаря немецкой фамилии, в предательстве был обвинен ставленник Распутина, премьер-министр Б.В. Штюрмер. Наиболее резкие слова оппозиционный депутат замаскировал под цитату из немецкой газеты, где прямо обвинил императрицу Александру Фёдоровну в стремлении к сепаратному миру, а следовательно, к государственной измене. Заявление Миллюкова было бездоказательным, базировалось в основном на непроверенных слухах или на превратном истолковании фактов. Но в атмосфере недовольства властью, когда война явно затянулась, демагогические фразы Миллюкова были восприняты как откровение, как смелое разоблачение самодержавия. Речь кадетского лидера была немедленно распространена по стране в огромном количестве копий, передавалась устно.

Нападки на премьер-министра привели к его отставке, 9 ноября Штюрмера сменил А.Ф. Трепов. На первом появлении перед думцами 19 ноября новый председатель Совета министров призвал нижнюю палату к реальной работе, к единству перед лицом врага, но в ответ услышал резкую критику правительства, содержащую обвинения против немецкого засилья и распространения «тёмных сил». С особой яростью подвергся клеветническим обвинениям Протопопов прежде всего со стороны депутатов графа В.А. Бобринского и В.М. Пуришкевича. Добавил свою ложку дёгтя и его земляк А.Ф. Керенский. После этого по настоянию Совета министров Александр Дмитриевич был вынужден просить императора о своей отставке во избежание дальнейшего ухудшения отношений между правительством и оппозицией. Однако получил отказ Николая II, который полагал, что такие уступки Думе во время войны недопустимы. Бывший думец не только устоял, но даже 18 декабря был переведён из управляющих в полноправные министры.

Для эффективного снабжения продовольствием городов Протопопов намеревался отказаться от государственного регулирования цен на хлеб и вернуть свободу торговли, полагая, что частная инициатива сможет насытить рынок. Эти меры были разумными и могли в некоторой степени укрепить позиции власти. Однако концентрация всего продовольственного дела в МВД не сложилась. Александр Дмитриевич даже поссорился с министром земледе-

Беженцы. 1916

Солдаты в очереди за горячей пищей. 1915

Член Государственной думы А.Ф. Керенский. 1914